

УДК 82-32

Научная статья

ЛЮБОВЬ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В РАССКАЗЕ ФЕДОРА ЯРЦЕВА “НАИЛЯ”

Кучукова З. А.

*ФГБОУ ВО “Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова”,
г. Нальчик, Россия*

АННОТАЦИЯ

Согласно теории интертекста, в качественном художественном произведении независимо от его объема имплицитно присутствует “вся мировая литература”. Одним из таких эстетически неисчерпаемых нарративов является философско-психологический рассказ современного русского писателя Ф. Ярцева “Наиля”, где в едином интертекстуальном пространстве сосуществуют альтернативные культурологемы: античное “Овидий или Платон”, шекспировское “быть или не быть”, корнелевское “разум или чувство”, набоковское “ребенок или женщина”, гендерное “мужчина или человек”. Судя по финалу проанализированного рассказа, все перечисленные конфликтогенные антиномии решаются в рамках гуманистической традиции русской классической литературы: утверждается императив альтруистического отношения к ближнему.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропоцентрическая проза, Федор Ярцев, художественный конфликт, интертекст, платоническая любовь, эскейпизм, альтруизм.

DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.3.004

Поступила в редакцию: 21.12.2021

В окончательном варианте: 21.12.2021

Для цитирования: Кучукова, З. А. Любовь как антропологическая проблема в рассказе Федора Ярцева “Наиля” / З. А. Кучукова – Текст : непосредственный // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1, № 3. – С. 30-44. – DOI 10.24334/KBSU.2021.1.3.004

ВВЕДЕНИЕ

В 2003 г. в Ставрополе состоялась Международная научная конференция с примечательным названием “Антропоцентрическая парадигма в филологии”. Организатор форума литературовед Л. П. Егорова, предъявляя претензии к антропологии, посетовала, что “образ человека так и не сложится, пока в комплексной по своему характеру дисциплине, “именуемой “человековедением”, не займут своего места открытия не только науки, но и художественной литературы, преломленные через призму философии и искусствоведения”. В продолжение темы докладчица называет “плодотворной тенденцией в современном антропоцентрическом литературоведении постижение таких метафизических категорий, как совесть, стыд, мужество, благородство, любовь и др.” [3, с. 7].

Поддерживая мнение ставропольских антропоцентристов, мы обратились к исследованию концепта “любовь”, нашедшего развернутое отражение в рассказе Ф. Ярцева “Наиля”. Сузив поле исследования рамками одного, отдельно взятого произведения, мы руководствовались (близким к метафизике) физическим законом, согласно которому, чем меньше площадь, тем больше давление или “глубина бурения”. В этом вопросе сошлемся на авторитет специалистов “Пушкинского Дома”, которые отмечают ценность “жанра литературоведческих работ, посвященных ана-

лизу отдельного произведения художественного слова, рассматриваемого в органической целостности – в единстве его содержания и структуры” [4, с. 3].

Цель настоящей статьи заключается в изучении триады “человек-любовь-литература” на материале рассказа Ф. Ярцева “Наиля”. Актуальность исследования обусловлена необходимостью, во-первых, восполнить информационный пробел, связанный с творчеством талантливого прозаика; во-вторых, рассмотреть одну из оригинальных трактовок “культуры эроса” в современной русской литературе.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу исследования положен комплексный метод, содержание которого определяют следующие виды анализа: историко-литературный, сравнительно-исторический, интертекстуальный, интерпретационный и семиотический, в совокупности позволившие рассмотреть разные уровни текста. В целях упорядочения экспрессивных средств применялся метод сплошной выборки с выявлением самых репрезентативных образно-символических единиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Любовь – одно из самых таинственных метафизических явлений в мире, суть которого тысячелетиями пытаются разгадать поэты, писатели, музыканты, живописцы, а также представители самых разных научных дисциплин. Диахроническое исследование “любви” как культурного концепта показывает сильнейшую детерминированность ее смыслового содержания историческим фактором: каждая эпоха трактует “любовь” по-своему. К примеру, во многих средневековых поэмах “любовь” расценивается

как “безумие”, в произведениях классицизма “любви” противопоставляется “честь”, в литературе XX века доминирует восприятие “любви” как экономической категории.

В мировой культуре зафиксированы попытки стратифицировать единое понятие “любовь”, выделив из него различные модификации. Одной из них является дефиниция “платоническая любовь”. Что это такое? Ответ на этот вопрос мы обнаруживаем в “Словаре античности”, где пишется: “Платоническая любовь, названная по имени Платона, лишенная чувственности склонность души (психики) к нравственной красоте, философскому стремлению к познанию и знанию. В современном значении – чисто духовная любовь между близкими по уму настроению людьми, далекая от сексуальных импульсов” [5, с. 436].

Исследованные нами произведения отечественных (русских) авторов показывают, что феномен “платонической любви” не канул в прошлое. Это трансгисторическая категория, которая с небольшими видоизменениями проходит сквозь толщу веков и имеет своеобразное художественное преломление во многих национальных культурах. Русская культура не является исключением.

Для рассмотрения русской формы “платонической любви” мы выбрали небольшой рассказ Федора Ярцева “Наиля” из его сборника “Ясная луна освещает выпавший снег”. Здесь же следует пояснить, что названный сборник был преподнесен в дар сотрудникам кафедры русской и зарубежной литературы КБГУ самим автором - членом Союза журналистов РФ, профессором Санкт-Петербургского университета (одновременно и преподавателем КБГУ) Борисом Яковлевичем Мисонжниковым, который в качестве псевдонима избрал для себя литературное имя “Федор Ярцев”.

Касаясь “технических” характеристик анализируемой новеллы, следует отметить, что автор использует самую экспрессивную повествовательную форму, то есть монолог от первого лица, излагаемый главным героем – 26-летним молодым человеком. Большой потенциал экспрессивности содержит в себе и хронотоп рассказа, если учесть, что действие происходит летом на море в одном из прибрежных курортных городов Юга России. Из истории мировой литературы нам известно, что сочетание реалий “море”, “лето” и “солнце”, как правило, несет в себе большой потенциал романтических приключений.

Фабульная часть рассказа основана на том, что главный герой (он же и повествователь) приезжает на курорт и поселяется в частном пансионе. Он полностью расслаблен, у него чувство, что вся земная суета, тревоги и заботы остались на “большой земле”, здесь же – “благородно-ласковое море”, “горы”, вкусная еда, пара любимых книг и ощущение полного счастья и безмятежности.

Но вскоре выясняется, что, на самом деле, в этом божественном месте судьбой ему уготован маленький “экзистенциальный капкан”, призванный стать испытанием на прочность его морально-духовных качеств, сути его человечности и, самое главное, его представлений о мужской чести. В качестве “заметки на полях” сразу отметим уникальное стилистическое мастерство Федора Ярцева, который одной крохотной образной единицей, мимолетно зафиксированной, может выразить психологическое состояние героя. В данном случае это чисто пейзажное упоминание о “тончайшей желтой паутине”, которая опутала все пространство” [7, с. 256]. Художественным намеком на “нежный капкан” является и такой образ, как “узкий колодец” [7, с. 257].

Примерно так, как охотник флажками обкладывает волка, так и молодой курортник волей писателя заключен в тиски онтологических задач, от решения которых зависит его судьба. Пребывание на отдыхе превращается для него в самый сложный психологический квест, сравнимый с пересечением минного поля, где в любую секунду может случиться фатальный взрыв или срыв.

Заключенность сознания молодого человека в тиски автор показывает наличием множественных “дуальностей”, “бинарностей”, из которых одна ценность должна быть выбрана, вторая – отклонена. Здесь нет права на “золотые середины”. Овидий или Платон? Безудержная любовная страсть или обуздание физической плоти? Наиля – это ребенок или женщина? Что важнее: духовное или телесное? Инстинктивное или рациональное? Часто бывает, что имя служит мировоззренческим кодовым ключом к художественному тексту. В данном случае мы не знаем, как зовут главного героя, но знаем, как зовут героиню. Автор нарек ее восточным именем “Наиля”. Судя по словарю антропонимов, имя девочки также имеет два разнящихся семантических значения: “Наила” – “дар”; “Наиля” – от муж. “Наиль” – “достигающий успеха” [1, с. 175]. То есть именинник тоже является дополнительной “головной болью” для главного героя, который в меру своего врожденного целомудрия должен решить, кем для него в данный момент является “юная Афродита” – чистейшим даром небес, сотканным из тонкой материи, или биологическим объектом для “достижения успеха”, удовлетворения мужских амбиций.

Сама Наиля, чем-то напоминающая набоковскую Лолиту, представлена в новелле как “переливающееся”, пограничное существо, уже не ребенок, но еще и не взрослый человек. Кстати, ее “пограничье” отмечено и мерой школьных классов: закончила девятый, “перешла уже в десятый класс” [7, с. 256], а посередине –

судьбоносное лето, которое должно превратить ее жизнь в рай или ад, в зависимости от волевого решения мужчины, от меры его ответственности или безответственности.

Лингвокультурологический анализ новеллы позволяет выявить в тексте ряд специальных языковых маркеров, с помощью которых герой сам себя убеждает, в том, что Наиля – ребенок: “совсем по-детски вскрикивает” [7, с. 257], “в ее глазах вспыхивают радостные искорки, как у ребенка” [7, с. 258], морские камушки ей кажутся конфетками – “монпасье, которое продается в круглых баночках” [7, с. 258], “смотрит как ребенок, задумавший напроказничать” [7, с. 261], “она еще школьница” [7, с. 264].

Детское сознание Наили подчеркивается и парой зооморфных образов с уменьшительно-ласкательными компонентами – “как обезьянка выскальзывает из своего мокрого платья” [7, с. 261]. Несколько раз упоминается сопровождающий девочку-девушку “маленький фокстерьерчик” [7, с. 257] – образ, в данном контексте служащий олицетворением ее еще юной, неокрепшей, инфантильной, по-детски доверчивой души.

А как себя ведет Наиля, эта маленькая восточная женщина? Если мужчина сохраняет контроль разума над чувствами и всячески гасит свой внутренний огонь, то она, наоборот, проверяет границы своей чувственности и тянется к мужчине, стирая объективные возрастные границы игрой в местоимения: “С первой же минуты нашего знакомства она говорит мне “ты”, но это получается настолько просто и естественно, что мне и в голову не приходит обидеться” [7, с. 257].

Важное место в интертекстуальном пространстве новеллы Ф. Ярцева занимает Овидий, биографически и литературно связанный с Черным морем. Овидий Назон Публий (43 г. до н.э. – 18 г.

н.э.) – древнеримский поэт. Более всего он известен своими “Любовными элегиями”, “Героидами” (жанр любовных писем, написанных от имени мифологических героинь), а также трактатом “Наука любви”, где поэт “наставляет юношей, как найти и удержать возлюбленную”. У поэта есть и специализированная книга для девушек “Средства от любви” (“Remedia amoris”), содержащая рекомендации, «как освободиться от тягостной любви» [5, с. 389].

С первых минут знакомства Наили и молодого курортника в их взаимоотношениях косвенно присутствует поэзия Овидия Назона. Главный герой захватил на море с собой томик его стихов. Девочка обращает внимание на книгу и тут же от своего спутника получает справочную информацию: “А знаешь, Овидий был в ссылке на Черном море. Интересно, раньше людей сюда в наказание отправляли, а теперь отдыхать едут. Приходил он на берег в своей длинной белой тоге и читал стихи”. И тут же он цитирует античного автора:

*Был я в изгнание, забвенья искал я в труде, а не славу,
Грусть я хотел позабыть, горькие думы прогнать.*
[7, с. 259].

Данные строчки фактически являются кратким, поэтически опосредованным изложением “душевной автобиографии” главного героя и одновременно первым импульсом его “большой любви к маленькой девочке”.

Федора Ярцева по праву можно назвать “литературным Айвазовским”, маринистом, учитывая его феноменальное умение морской лексикой изображать сложнейшие переливы чувств, внутреннее состояние влюбленных. Само море с его “теплыми волнами”, “бурлящим валом”, “шевелившейся пеной”, “сорванными тяжелыми буями”, “острой мелкой галькой”, “громادными гребнями”, “матросами-спасателями”, “штормами”, “причалом”,

“берегами”, “приливами”, “отливами”, “штилем” становится одной большой и пластичной метафорой, напрямую выражающей всю многоликую и ежедневно трансформирующуюся гамму чувств главного героя и его возлюбленной. Как отмечается в “Словаре символов”, “море во многих культурах – первичный источник жизни – бесформенный, безграничный, неистощимый и полный неожиданностей” [6, с. 227].

Протагонист рассказа “читает” море как открытую книгу, (в этом, скорее всего, проявилась “морская ментальность” самого автора, выросшего у берегов Балтийского моря). Пейзажные зарисовки в новелле исполняют двойной “репертуар”, с одной стороны, они действительно, передают метеорологическое состояние моря, но в то же время являются точным слепком тревог героя или заблаговременным сигналом, предупреждением об опасности. К примеру, в первый же вечер знакомства с Наилей, герой подмечает: “К ночи, вероятно, будет *настоящий шторм*” [7, с. 259]. Еще один интересный пример: “Вот и сейчас недалеко от причала, то появляясь, то исчезая, рыжим мячиком скачет в пучине чья-то *отчаянная голова*. Но вскоре спасатели в мегафон предлагают пловцу выйти из воды” [7, с. 260]. Эпитет “отчаянная голова” также является характеристикой не только анонимного беспечного пловца, но и самого героя, готового броситься в пучину любви. Из этого же логического ряда “*сорванные тяжелые буи*”, читающиеся одновременно в прямом и переносном смыслах. В заданном контексте символически нагруженными оказываются и “яркие ленты *пограничных прожекторов*, пробегающие по морю” [7, с. 265] Косвенно они характеризуют тревожное состояние героя, оказавшегося у опасной черты со своими раздумьями на тему: “быть или не быть”, “остаться или бежать”.

Не менее живописно изображается и экзистенциально опасное положение юной “пеноподобной Афродиты”, которая из-за одного неверного шага может столкнуться с морем бед: “А она бежит к морю и врывается в волну, которая словно *разверстая пасть дракона с белой пеной на клыках, бешено заглатывает девушку*” [7, с. 262].

Важное место в новелле занимает и мотив эскейпизма, в данном случае, бегства от места потенциально возможного грехопадения. Как показывает автор, первой попыталась убежать от “опасных волн любви” девушка, которая несколько дней скрывалась у бабушки, но справиться с чувствами не смогла и вернулась обратно к возлюбленному, тем самым, полностью возложив на мужчину груз ответственности за их дальнейшую судьбу.

Новелла “Наиля” с гендерной точки зрения может расцениваться как гимн настоящему мужчине, который в психологически экстремальный момент способен встать над собственной “биологией”, и внутреннюю культуру поставить выше природных инстинктов. У него хватает моральных сил, заглушив страсть, включить извечный код отеческой или братской ответственности за ребенка, девочку, которая “отчаянно готова на все” [7, с. 267]. Благородный мужчина думает: “Теперь нужно ее вернуть к действительности, но как это сделать, чтобы не оскорбить, или не обидеть ее, или не нанести душевную рану, которая будет потом с ней всю жизнь” [7, с. 267].

В этих условиях герой принимает единственно правильное решение – дистанцироваться от источника возможного зла и потенциальной трагедии для “маленькой наяды”. Это тот случай, когда огонь страсти можно было погасить только эскейпизмом. Тонкий психолог Ф. Ярцев показывает, как сильный мужчина их

общую с девушкой душевную боль целиком берет на себя и переплавляет ее в сгусток физической боли, полученной от шипов розового куста: *“Исколов руки, отламываю ветку от куста розы”* [7, с. 268].

Романтичный и деликатный главный герой убежден, что во время сказанные поэтические строки – лучший бальзам на душу человека, травмированного безответной любовью. С этой внутренней установкой, спешно под покровом ночи покидая пансион, он на песчаной утоптанной дорожке прутиком от розового куста воспроизводит строки из стихотворения Овидия, звучащие как объяснение, как заклинание, как оберег:

*Страшно мне, как бы, погибнув, тебя не вовлечь в эту гибель,
Как бы морская тебя не поглотила волна!*

[7, с. 269].

Смеем предложить и философское толкование анализируемой новеллы. Нравственный подвиг главного героя заключается в том, что в роковой, фатальный момент он способен сменить код “мужчина” на код “человек” и стать заступником беззащитного существа, в данном случае, совсем юной девушки.

Отечественный философ с мировым именем Георгий Гачев, думается, дал бы высокую оценку рассмотренной нами новелле Ф. Ярцева, поскольку в своих трудах он неоднократно подчеркивает дефицит культуры Эроса в современном обществе. Вот, что он об этом пишет в одной из своих книг: “Нынешняя грозная демографическая ситуация в России, когда катастрофически падает рождаемость, распадаются семьи, умножаются разводы - ставит во всей остроте вопрос о непродуманности проблем Эроса в нашей культуре. И повинно в этом, в частности, ханжески-чистоплюйское отношение к культуре Эроса в нашей мысли и в литературе последних десятилетий. Между тем тут именно культура

должна выработаться, а не слепота и закрывание глаз страусиное” [2, с. 7]. Ценность и актуальность новеллы Ф. Ярцева заключается как раз в “выработке” и утверждении высокой, нравственно ориентированной культуры во взаимоотношениях женщин и мужчин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изученного материала можно сделать обобщенный вывод о том, что новелла Ф. Ярцева “Наиля” принадлежит к числу высококачественных художественных текстов, содержащих множество культурных смыслов, связанных с деконструкцией гендерных стереотипов, приоритетом духовного над биологическим, диалогом между природой и человеком. Главный герой предстает как высшее воплощение современного интеллигента, живущего по духовно-этическим принципам – “не пустить зло дальше себя” и “увеличивать человеческое в человеке”.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ИНТЕРЕСЫ. Конфликтов интересов в отношении авторства и публикации нет.

АВТОРСКИЙ ВКЛАД И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Автор участвовал в написании статьи и полностью несет ответственность за предоставление окончательной версии статьи в печать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1]. Гафуров, А. Г. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь /А. Г. Гафуров. – Москва: Наука, 1987. – 221 с. – Текст : непосредственный.
- [2]. Гачев, Г. Д. Русский Эрос. / Г. Д. Грачев. – Москва: Интерпринт, 1994. – 279 с. – Текст : непосредственный.
- [3]. Егорова, Л. П. Гамбургский счет антропоцентрического литературоведения / Л. П. Егорова. – Текст : непосредственно //

Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. Литературоведение. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – Ставрополь, 2003. – С. 3-15.

[4]. Поэтический строй русской лирики. – Ленинград: Наука, 1973. – 352 с. – Текст : непосредственно.

[5]. Словарь античности. – Москва: Прогресс, 1989. – 704 с. – Текст : непосредственно.

[6]. Тресиддер, Дж. Словарь символов. / Дж. Тресиддер / Пер. с англ. С. Палько. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 444 с. – Текст : непосредственно.

[7]. Ярцев, Ф. Ф. Ясная луна освещает выпавший снег / Ф. Ф. Ярцев – Ленинград, 1990. – 272 с. – Текст : непосредственно.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кучукова Зухра Ахметовна

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, кафедра русской и зарубежной литератур
ул. Чернышевского, 173, Нальчик, 360004, Россия.

Доктор филологических наук, профессор,

e-mail: kuchuk60@list.ru

ORCID – 0000-0001-7907-0404

LOVE AS ANTHROPOLOGICAL PROBLEM IN THE STORY OF FYODOR YARTSEV “NAILYA”

Kuchukova Z. A.

*Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov,
Nalchik, Russia*

ABSTRACT

According to the theory of intertext, in a quality work of fiction, regardless of its volume, “all world literature” is implicitly present. One of such aesthetically inexhaustible narratives is the philosophical and psychological story of the modern Russian writer F. Yartsev “Nailya”, where the following alternative cultural terms coexist in a single intertextual space: the antique “Ovid or Plato”, Shakespeare's “to be or not to be”, Kornel's “mind or feeling”, Nabokov's “child or woman”, gender “man or person”. Judging by the final of the analyzed story, all the aforementioned conflict-generating antinomies are resolved within the framework of the humanistic tradition of Russian classical literature: the imperative of an altruistic attitude towards one's neighbor is affirmed.

KEY WORDS: anthropocentric prose, Fedor Yartsev, story, artistic conflict, intertext, platonic love, escapism, altruism.

DOI 10.24334/KBSU.2021.1.3.004

ORIGINAL ARTICLE SUBMITTED: 21. 12. .2021

REVISION SUBMITTED: 21.12.2021

FOR CITATION: Kuchukova Z. A. (2021) Lyubov' kak antropologicheskaya problema v rasskaze Fedora YArceva “Nailya” [Love as anthropological problem in the story of fyodor Yartsev “Nailya”]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovaniye. Slovesnost'*. Vol. 1, no. 3, pp. 30-44. DOI 10.24334/KBSU.2021.1.3.004

COMPETING INTERESTS. The author declares that there are no conflicts of interest regarding authorship and publication.

CONTRIBUTION AND RESPONSIBILITY. The author contributed to this article. The author is solely responsible for providing the final version of the article in print. The final version of the manuscript was approved by the authors.

BIBLIOGRAPHY

- [1]. Gafurov A.G. (1987) Imja i istorija: Ob imenah arabov, persov, tadjhikov i tjurkov. Slovar'. [Name and history: About the names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary]. M.: Nauka, P. 221. (In Russian).
- [2]. Gachev G. D. (1994) Russkij Jeros. [Russian Eros]. M.: Interprint. P. 279. (In Russian).
- [3]. Egorova L.P. (2003) Gamburgskij schet antropocentricheskogo literaturovedenija [Hamburg account of anthropocentric literary criticism] // Anthropocentric paradigm in philology: Proceedings of the International Scientific Conference. Part 1. Literary criticism. - Stavropol: SSU Publishing House. Stavropol. Pp. 3-15. (In Russian).
- [4]. Pojeticheskij stroj russkoj liriki. [Poetic structure of Russian lyrics]. - Leningrad: Publishing house «Science», 1973. P. 352. (In Russian).
- [5]. Slovar' antichnosti. (1989). [Dictionary of Antiquity]. - M.: Progress. P. 704. (In Russian).
- [6]. Slovar' simvolov. Tresidder J. (1999) [Dictionary of symbols]. / Per. from English S. Palko. M.: FAIR-PRESS. P. 444. (In Russian).
- [7]. Yartsev F.F. (1990) Jasnaja luna osveshhaet vypavshij sneg. [The clear moon illuminates the snow that has fallen]. -P. 272. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuchukova Zukhra Akhmetovna

Department of Russian and Foreign Literature

Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov.
Chernyshevsky str., 173, Nalchik, 360004, Russia.

Doctor of Philology, Professor, e-mail: kuchuk60@list.ru

ORCID – 0000-0001-7907-0404